

люди искусства

Инкогнито из Останкина

Т. МАРТЫНОВА

Три года назад, в один из осенних дней, в «Детский мир» без всякой надобности зашел человек средних лет. Заметив на прилавке игрушечный «волчок», он остановился и как-то необычно, странно, будто увидел впервые, рассматривал его. Потом купил сразу целых три, а дома начал увлеченно и азартно играть.

Через несколько дней Владимир Ворошилов предложил молодежной редакции Центрального телевидения идею новой программы под названием «Что? Где? Когда?».

Так нередко бывает у людей истинно творческих. Как-то встреча, слово или предмет, пробуждая к жизни фантазию, неожиданно приводят к решению свежим, оригинальным.

Вспомните, много ли игр, интересных нам в разном возрасте, мы знаем? Шахи, шахматы, домино — ну, еще несколько. Выдумать новую игру — любую, в том числе и телевизионную, — дело трудное. Ибо она (в отличие от конкурса) придумывается не на раз, а надолго.

В 1967 году в молодежной редакции Центрального телевидения появился новый режиссер В. Ворошилов. За плечами он имел три специальности (живописца, театрального художника и режиссера), богатый жизненный опыт и твердые творческие позиции. Зрители старших поколений, может быть, помнят первые передачи режиссера — «Письма войны», посвященные комсомольцам военного времени, цикл «Рассказы о трудовых профессиях». Наиболее значительными его работами стали видеофильмы «Год 1946» и «Год 1947» из цикла «Наша биография».

Однако все это время В. Ворошилов старательно разрабатывал свою главную концепцию — игровую, создавая такие передачи, как «Контакт», «Семейная викторина», «Аукцион», «А нука, парни!», «Спринт для всех». Нельзя сказать, чтобы циклы эти не пользовались популярностью — стоит только вспомнить шумевший в конце 70-х годов «Аукцион». После первого его выпуска на телевидение пришло около 20 тысяч писем от телезрителей. Но всем этим программам не хватало, как выяснил для себя позже Ворошилов, трех необходимых вещей: чтобы вопросы исходили от зрителей, участвующих в игре как равноправные партнеры, чтобы спектр соревнования располагался на экране и чтобы телевикторина носила интеллектуальный характер.

— Я считаю, что телевидение как искусство, стоящее наиболее близко к действительности, должно создавать передачи в формах самой жизни, — говорит В. Ворошилов. — И если игра оказывается на волне естественных интересов людей, то ее подхватят все.

Сейчас, как в свое время КВН, стали распространяться по всей стране клубы знатоков. Получилось так, что, взяв форму игры из жизни и видоизменив ее применительно к экрану, телевидение вернуло ее назад уже как явление социальное.

...В одном из отсеков телевизионного кафе в Останкинском телецентре в будние дни обычно пусто и темно. И лишь по воскресеньям, когда на телевидении остается минимум работающих, здесь все оживает. Зал заполняется уверенные молчаливые люди, чувствующие себя хозяевами положения, появляется единст-

венная профессиональная актриса — сова, которую привозят с «Центрнаучфильма», вспыхивает яркий свет, и игра в телевизионном казино, где ставка — эрудиция и находчивость, а выигрыш — новые знания, начинается.

Три года назад открывал программу, присутствуя в кадре, Александр Масляков. Он читал вопросы из писем, находящихся у него в руках, а стрелка волчка лишь указывала на того, кто должен отвечать. Но уже после первого выпуска Владимир Ворошилов понял: фигура ведущего в кадре — лишняя. Зрители должны напрямую играть со знатоками. А функция ведущего в том, чтобы сблизить их друг с другом, быть хозяином программы, который в каждый момент знает, куда ее вести дальше.

И со второй передачи перед нами появился ведущий — инкогнито. С тех пор, уверенно ведя свой телекорабль по волнам голубого эфира, Владимир Ворошилов остается за кадром. Объясняется это не отсутствием телегеничности, как предполагают авторы некоторых писем, а принципом, заложенным в драматургии игры, учетом психологии зрительского восприятия.

...Бежит по конкурному полю наездник, крутится на игровом столе стрелка волчка. Но не только азартно горящие глаза знатоков устремлены на нее. Внимательно следят за ней по мониторам, установленным в других комнатах режиссер Ворошилов и его помощники, а также видеоинженеры и звукорежиссеры в передвижной видеостанции (ПВС), находящейся во время съемки возле телецентра.

И вот стрелка остановилась. Администратор бежит вдоль длинного ряда столов, чтобы выбрать из лежащих на них присланных предметов нужный. Мгновенно ищет фотографию зрителя и ставит ее под камеру один из помощников. Если же автор письма решил задать вопрос сам, то тут же начинает крутиться ролик с киносюжетами и фонограммой в ПВС. Все это происходит за считанные секунды.

Некоторые зрители сомневаются в том, что знатоки заранее не знают вопросов, на которые им придется отвечать, или хотя бы тем очередной игры. Думается, то, что происходит во время передачи на наших глазах: споры, сомнения, разделение мнений, поиски общего ответа — все это говорит само за себя. Мы видим на экране накал страстей, ничуть не уступающий спортивному. А такое срепетировать нельзя.

Вначале для простоты общения В. Ворошилов находился в том же зале, где проходила игра. Но это натолкнулось на неожиданные препятствия. Оказывается, по выражению лица, глаз ведущего знатоки умудрялись понять — на правильном или неправильном они пути к ответу. И тут же ориентировались в нужную сторону. Чтобы лишить их такой возможности — читать мысли ведущего — В. Ворошилов ушел в другой зал.

Вс. Мейерхольд говорил, что режиссер — это, по существу, идеальный зритель. Именно так — глазами идеального зрителя и смотрит на свою работу В. Ворошилов. Режиссер категорически против адресных программ. Он считает, что нужно создавать такие передачи, которые будут интересны всем, независимо от возраста, про-

фессии, вкусов, ибо телевидение — искусство массовое.

Когда-то перед этим человеком открывалась заманчивая карьера в театре. Он окончил Художественный институт Эстонской ССР, затем в качестве художника оформил немало спектаклей в драматических театрах столицы. Но после Высших режиссерских курсов пришел на телевидение.

Однако не подумайте, что с театром он порвал навсегда. Нет, он по-прежнему дружит и с этой музой. Театралам Москвы хорошо знакомо имя В. Ворошилова-сценографа, оформившего за последние годы такие спектакли, как «Шестое июля» во МХАТе, «Только телеграммы» в Театре на Таганке, «Мезозойская история» в Малом, «Антигона» в Театре имени Станиславского. В 1978 году вышли в свет его «Заметки театрального художника».

В один из мартовских дней мы встретились с Владимиром Ворошиловым у него дома, в его квартире, напоминающей театральный зал и телевизионный павильон одновременно. В комнате нет лишь рядов кресел. А все остальное, как в обычном театре: занавес — портьера, до времени скрывающая сцену от глаз зрителей, множество самых разных светильников, большие напольные чаши с цветами. И повсюду — кисти, краски, карандаши. Любой посторонний человек, понятия не имеющий о том, что Ворошилов — театральный художник, попав сюда, сразу определит профессию хозяина дома. Вернее, одну из них. Ну, а о другой ему красноречиво расскажет стена, сплошь увешанная исписанными карточками, в центре которых приколота пластмассовая фигурка наездника, такого, как в передаче «Что? Где? Когда?».

У этой необычной стены и идет наш разговор.

— Дело в том, что я никогда не пишу сценариев. Точнее, не делаю это, как другие. Развесив карточки, на каждой из которых записана какая-то идея, мысль, музыкальная тема, я вижу фрагменты будущего выпуска, расположенными в пространстве. Я могу их сравнивать, переставлять, что-то выбрасывать, словом, ощущать, как будет выглядеть передача в целом. В итоге режиссерский сценарий и монтаж программы создаются одновременно.

Творческий подход к работе сочетается у Ворошилова с научным обоснованием того, что он делает. На полках в его комнате я увидела массу книг: по теории игр, психологии малых групп, теории установок и так далее. Все это, оказывается, помогает ему изучать «пружины» психологического воздействия на зрителя, а также предвидеть, как и куда вести экипаж своего телекорабля дальше.

Ведь, как и каждый живой организм, этот коллектив, состоящий ныне из 36 человек, постоянно в развитии. Знать этот процесс, уметь управлять им, находить выход из трудных для программы ситуаций — вещи, необходимые для ее автотона.

— По поводу того, каким должен быть состав клуба, — говорит режиссер, — существуют две взаимоисключающие точки зрения. Одни считают, что состав должен быть постоянным, так как зрители привыкли к большинству знатоков, хорошо их знают, болеют за них. Другие возражают: почему такой элитарный подход? Страна у нас большая, и круг знатоков может быть каждый раз новым. По-моему, костяк клуба должен быть постоянным. Но необходимо давать возможность проявить себя и новым игрокам, которые, пройдя стажировку в нескольких передачах, смогут потом прийти на место старых членов клуба.

Поздно вечером, когда пустеют коридоры Останкинского телецентра, на 12-м этаже появляются молодые люди, решившие попытать счастья и тоже стать участниками телевикторины. Они проходят в молодежную редакцию, где, окруженный старейшинами клуба «Что? Где? Когда?», ведет очередной отборочный тур режиссер Владимир Ворошилов. Здесь все происходит, как «взаправду»: абитуриентам задают вопросы, чтобы выявить их интеллект и сообразительность, эрудицию и находчивость — только с той разницей, что не работают камеры.

Надо сказать, что смельчаков немного. Но примечательно, что появились претенденты совсем юные. Например, на последнем туре хорошо проявил себя московский школьник, оказавшийся, как узнал потом Ворошилов, сыном старшего члена клуба А. Седина. Так что не исключено, что скоро в среде знатоков будет первая династия.

В конце прошлого года Владимиру Ворошилову исполнилось 50. К юбилею своего «крестного отца» команда клуба подарила ему дружеский шарж. Инкогнито из Останкина восседает за столом с замершей на цифре «50» стрелкой волчка, а над головой игрока вьется сова — символ мудрости. Думается, что в этом рисунке весь Ворошилов — человек, смотрящий на мир с интересом и азартом, ищущий, волевой, разносторонне одаренный.

Режиссер В. Ворошилов. Фото А. Евстигнева.